

Игорь Петраков

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ 16

ЛЕКЦИИ ПО ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
двадцатого века

часть первая и вторая
ОЗНАКОМИТЕЛЬНЫЙ ФРАГМЕНТ

Омск 2021

В шестнадцатый том почти полного Собрания сочинений Игоря Петракова вошли замечательные Лекции по зарубежной литературе XX века. В них речь идет о произведениях знаменитых авторов, таких как Джойс, Кафка, Набоков, Агата Кристи, Артур Конан Дойл, Фред Саберхаген, Рей Бредбери, Стивен Кинг и других.

ЛЕКЦИИ ПО ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Часть первая

СОДЕРЖАНИЕ

Введение .. 3
Герберт Уэллс. Человек – невидимка .. 5
Джеймс Джойс. Улисс .. 12
Марсель Пруст. По направлению к Свану .. 40
Герман Гессе. Игра в бисер .. 43
Франц Кафка. Превращение .. 49
Франц Кафка. Процесс .. 55
Антуан де Сент-Экзюпери. Маленький принц .. 62
Альбер Камю. Записные книжки .. 67
Альбер Камю. Калигула .. 71
Жан-Поль Сартр. Тошнота .. 74
Агата Кристи. Десять негритят .. 84
Тэффи. Рассказы .. 92
Гайто Газданов. Гавайские гитары .. 97
Владимир Набоков. Приглашение на казнь .. 102
Владимир Набоков. Лолита .. 116
Эрнест Хемингуэй. Старик и море .. 127
Грэм Грин. Десятый .. 131
Колин Маккалоу. Поющие в терновнике .. 135
Рэй Бредбери. 451 градус по Фаренгейту .. 143
Рэй Бредбери. Рассказы .. 150
Умберто Эко. Имя розы .. 155
Джеймс Хедли Чейз. Лучше бы я остался бедным .. 168
Кобо Абэ. Вошедшие в ковчег .. 171
Натали Саррот. Детство .. 173
Стивен Кинг. Туман .. 178
Стивен Кинг. Лангольеры .. 190
Роджер Желязны. Фред Саберхаген. Витки .. 197
Дуглас Коупленд. Поколение икс .. 203

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая литература, подлинные шедевры – это литература, доступная для понимания читателя, литература «шаговой доступности». Лучший пример ее – детективные рассказы Артура Конан Дойла, написанные в последние десятилетия девятнадцатого и начале двадцатого века. Для того, чтобы понять их смысл и сюжет, а также самостоятельно попытаться разгадать их загадки, читателю не нужно поднимать учебники по

криминалистике, сидеть в библиотеке, делать выписки из фолиантов. Все это уже представлено в готовом виде в форме рассказа, с его неповторимым сочетанием повествовательных элементов, его неповторимым сюжетом.

Однако рано или поздно, как показывает практика, подлинный шедевр литературы обрастает научными и околонучными (причем последних значительно больше) интерпретациями, комментариями. Досушие и трудолюбивые исследователи принимаются искать в нем доступные им символы и метафоры. В двадцатые - тридцатых годах прошлого века искали символику «венской школы» и лично господина Фрейда, а в советской России – идею буржуазного общества, классовой борьбы и революционности героя.

В сороковые – пятидесятые годы в моду вошло «экзистенциальное», философское объяснение литературных шедевров. Жан-Поль Сартр и Альбер Камю, напр., аттестовались не иначе как представители «атеистического экзистенциализма». В восьмидесятые – девяностые годы произведения литературы рассматривались как «тексты», то есть наборы символов, часто в отвлечении от биографической и исторической характеристики их авторов. Нужно признать, что каждая из этих теорий была по-своему хороша, а две последние до сих пор бытуют в научной среде (которая сама по себе без теорий, объясняющих то или иное явление, жить не может). Как говорил один из персонажей романа М.Булгакова, «все теории стоят одна другой». Осознавая это обстоятельство, мы будем делать в настоящих лекциях акцент прежде всего на практическом и непосредственном анализе шедевров зарубежной литературы, анализе, который подразумевает внимательное прочтение произведения, обнаружение в нем тех или иных загадок автора, а также особенностей его авторского стиля (или языка). «В каждом литературном произведении воссоздан новый мир, не похожий на предыдущие», - так сказал однажды Владимир Набоков. Несмотря на это, справедливое в общем замечание, мы не останавливаемся на анализе только избранного рассказа, повести или романа, но рассматриваем их также в контексте всего творчества автора, находим интересующие нас схожие по сюжету, теме и стилю произведения. Это путь, близкий пути традиционного литературоведения. Однако нужно заметить, что литературоведение в его традиционном смысле делает акцент,

во-первых, на изображении отношения писателя к тому или иному социальному строю, отношению его к тому или иному правительству, историческим фактам, которое оно выдвигает на первый план, заслоняя им саму индивидуальность и творческую мысль автора, во-вторых, на принадлежности или просто отношении писателя к тому или другому формальному литературному течению, литературной школе, под массивным зданием которого его творчество оказывается в положении подчиненного и служащего исключительно задачам выделенной исследователем школы, литературного направления.

Если автор имел неосторожность написать социальный манифест или памфлет, об этом вас немедленно оповестят, вне зависимости от ценности его произведения как такового.

Если автор под влиянием обстоятельств или давлением сверху вынужден был написать поясняющий комментарий или предисловие к своему творению, вас обяжут его изучить.

И, разумеется, существуют целые «школы» - то есть направления в литературоведении, в которых ряд наблюдений, касающихся того или иного произведения, обобщены до необходимой степени соответствия господствующей идеологии или литературной моде. Удивительнее всего то, что их изучают наравне с произведениями лучших писателей.

Чаще всего современные исследователи, вооруженные терминологией современной философии и литературоведения, приходят к обязательным выводам относительно произведения классика, к таким, о которых сам автор, скорее всего, и не подозревал; затем оно вовлекается в затемняющий его смысл теоретический контекст той или другой «школы». Я думаю, что сделано это не столько в поисках истины, сколько для того, чтобы завербовать себе нового последователя.

Такие исследователи обычно выбирают из биографии писателя несколько фактов, с натяжкой подтверждающих их теорию, скрепляют свой бумажный замок необходимым количеством

цитат и ссылок на «авторитетные» источники, после чего без зазрения совести представляют свое сочинение читателю.

Нельзя признать безупречным или идеальным и наш метод анализа. Подробное рассмотрение темы, композиции, стиля, сюжета произведения ни в коем случае не заменит его самостоятельного внимательного прочтения. В этой связи данные лекции – лишь подспорье для изучения произведений зарубежной литературы прошлого века, пособие, в котором ностальгирующий автор сохранил некоторые важные черты традиционного литературоведческого метода.

В последнее десятилетие установилась тенденция рассматривать прежде всего язык и стиль оригинального произведения. Однако при работе с произведениями зарубежной литературы нужно учитывать, что в России получили признание и популярность прежде всего те или другие их переводы. В этом случае нужно говорить не столько о языке произведения, сколько о его теме, сюжете и содержании, которые остаются неизменными при переводе с одного языка на другой.

Владимир Набоков утверждал: «Великая литература – феномен языка, а не идей». Но в данном случае мы имеем дело еще и с феноменом перевода, который делает произведение доступным для русского читателя. В особых случаях мы должны выделить и фигуры переводчиков, благодаря которым произведения классиков получили новое звучание на языке Пушкина.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Герберт Уэллс. Человек – невидимка

Тема. Тема повести – человеческое одиночество, одиночество ученого в недружелюбном, недружественном к нему обществе, приводящее героя к границе, разделяющей человеческий разум и сумасшествие. Образ героя – Гриффина – трактуется исследователями как образ изгоя, вынужденного страдать вдали от человеческого общества. Еще один аспект темы – тема стремления к власти, желания получить власть над «всем муравейником», как говорил Ницше. И в самом деле, на определенное время Невидимка завладевает сознанием и руководит действиями Марвела (который помогает ему, в частности, переносить книги) и Кемпа (который по воле автора повести почти безпрекословно выслушивает довольно длинный рассказ Невидимки). Однако власть героя над второстепенными персонажами повести оказывается на поверку весьма хрупкой – даже бомж Марвел убегает от своего невидимого покровителя, прихватив с собой книги и ассигнации (на которые он впоследствии приобретет трактир, а книги, хотя и несколько обгоревшие и потрепанные, будет изучать).

В центре повести – образ героя – ученого, не совладавшего с последствиями

Своего открытия (его «поразительное открытие не приносит счастья

ни самому ученому, ни окружающим его людям»). Он продолжает ряд образов героев романов Жюль Верна – чудаковатого, но весьма симпатичного и умного Паганеля из «Детей капитана Гранта», Камарэ ("Удивительные приключения экспедиции Барсака"), который захвачен своими мечтами и капитана Немо, который в курсе всех новых технических достижений своего времени и управляет уникальной подводной лодкой.

Кроме того, образ ученого находится в центре романа Уэллса "Остров доктора Моро".

"Роман Г. Уэллса остается фантастическим в смысле деталей, но основная концепция, что человек сумеет переделывать и перекраивать животных,

уже не кажется только уделом фантазий: она находится в пределах трезвых расчетов ученого" , - писал М. Завадовский. Моро так же, как Гриффин, предан науке, но постепенно обрывает связи с обществом, что также приводит его к осознанной жестокости в обращении с живыми существами, которых он вправе, по собственному разумению, «погружать в купель

страданий». "Изучение природы делает человека в конце концов таким же безжалостным, как и сама природа", - мимоходом бросает Моро в разговоре с С. Прендиком. Очевидно, что кроме всего прочего, Моро – еще и атеист и поклонник теории эволюции (без сомнений, красивого слова, как сказал бы герой Набокова).

И Моро, и Гриффин считают себя свободными от традиционных общественных устоев общества, от морали как таковой. На свой страх и риск они осуществляют научный эксперимент, который, с позиций современного общества, следовало бы признать безответственным.

«Остров доктора Моро» и повесть «Человек-невидимка» исследователи называют антиутопическими произведениями, «романами – предупреждениями». Герои их в самом деле довольно аморальны (Невидимка, напр., расхаживает по улицам города обнаженным – и в результате страдает от холода).

С другой стороны, на примере отношения людей к Невидимке Уэллс изображает нравы современного ему общества (буржуазного общества, если воспользоваться словами Сартра). Узнав об истории Невидимки, окружающие проникаются к нему чувством опаски, граничащей с ненавистью. Изловив Невидимку, они наносят ему тяжелые раны.

Марвел похищает вещи и книги Невидимки.

Этой теме Уэллсу нельзя было избежать, ведь «Человек-невидимка» находится в одном временном ряду с такими произведениями как «Остров доктора Моро» (1896), «Война миров» (1898), «Когда спящий проснется» (1899), «Первые люди на Луне» (1901).

То, что Уэллс был недоволен нравами современного ему общества, подчеркивает то, что в 1903 году он вступает в Фабианское общество, пропагандировавшее реформистский путь превращения капиталистической системы в социалистическую.

Композиция. Композиционно повесть состоит из трех крупных частей.

Первая – похождения Человека – невидимки (а о том, что его зовут Гриффином, мы узнаем значительно позднее – изящный композиционный прием Уэллса) в трактире «Кучер и кони», которым владеют миссис Холл и ее супруг, бегство разоблаченного Невидимки, встреча его с бродягой Марвелом, приключения в Айпинге (где Невидимка, безмянный поначалу, устраивает форменный разгром).

Вторая – встреча с университетским товарищем Кемпом. Невидимка, уставший от одиночества и от долгого ношения своей тайны, раненый, обезсиленный просит у Кемпа временной защиты и рассказывает ему историю своего пути к невидимости. Эта-то история и составляет суть второй части композиции романа. Из нее мы узнаем о прошлом Невидимки. Кроме того, в беседе с Кемпом Невидимка высказывает мысль о том, что он желал бы установить – для начала – в городе – царство индивидуального террора. Невидимка, как выясняется, не прочь использовать свой дар в сугубо эгоистических целях. Кемп, опасаясь непредсказуемого товарища по университету, не разделяя его устремлений, пишет записку начальнику местной полиции полковнику Эдлаю.

Третья – начинается с того, что во время беседы с Кемпом Невидимка слышит шаги на лестнице. Он догадывается, что Кемп его выдал властям. И события начинают разворачиваться со стремительностью, присущей первой части. Гриффину удается выскользнуть из дома Кемпа. Он некоторое время скитается в окрестностях города и, между прочим, убивает почтенного гражданина, думая, что тот хочет причинить ему вред или поймать его (а бедолага просто – напроsto погнался за железным прутom, который он видел движущемся по воздуху). Кемп и Эдлай в это время организуют настоящую охоту на Невидимку – с полицейскими и собаками. Гриффин желает отомстить Кемпу. Ему удается подкрепиться и поспать – и с новыми

силами он приступает к жилищу предавшего его товарища. Далее описана длинная погоня Невидимки за Кемпом. Кемп избирает лучшее средство – бросается в толпу, Невидимка устремляется за ним, и тут-то его ждет печальный финал. Несколько наиболее сознательных

горожан набрасываются на Невидимку, с которым борется Кемп, одолевают его и наносят ему раны. Кемп проявляет некоторое сострадание к преданному им Гриффину – пытается отогнать толпу, но поздно – Гриффин уже становится видимым, постепенно, от рук и ног до головы. Это значит, что Гриффин убит – ведь он невидим, покуда жив.

Кроме этих трех частей, в повести есть и эпилог. В нем речь идет о Марвеле, открывшем кабачок «Веселые крикетисты», который каждый вечер после десяти часов запирается в затененной комнате и рассматривает книги Гриффина, мечтая тоже когда-нибудь стать Невидимкой.

Первая и третья часть живописуют необыкновенные возможности Невидимки в том отношении, что он необыкновенно быстро одолевает своих видимых противников, наносит им раны или даже убивает. Невидимка способен, как ясно из этих частей, быстро покидать и проникать в помещение, быстро перемещаться в пространстве (он молод и довольно силен).

Неточности.

1. Человек – невидимка – целиком и полностью фантазия Герберта Уэллса. С точки зрения современного человека, по словам И.Касинова, этот образ несколько наивен. С точки зрения современной науки создать такого человека невозможно. Некоторые ученые утверждают, что даже если бы удалось провести опыт, подтверждающий теоретические выкладки Гриффина о прозрачной природе человека и коэффициенте преломления света, то такой бы человек был бы не только невидимым, но и слепым – то есть участь его была бы незавидна (наблюдение советского популяризатора науки Якова Перельмана). Если у невидимки показатель преломления тела становится равным аналогичному показателю у воздуха, хрусталик в этом случае потеряет возможность преломлять лучи света и фокусировать их на сетчатке глаза.
2. Уэллс пишет, среди прочего, о том, что кошка, которую Гриффину удалось сделать невидимой, привлекла всеобщее внимание только своим мяуканьем. Вокруг этой невидимой кошки якобы собралась любопытствующая толпа. Здесь имеет место явное преувеличение.
Вряд ли мяуканье само по себе способно возбудить чувства толпы до такой степени.
3. Когда Кемп рассуждает о невидимых животных в море и в прудах, он имеет в виду мельчайшие организмы, которые невидимы скорее из-за своих небольших размеров, нежели по причине свойства быть невидимыми. Таким образом, удивление его этими «чудесами природы» не имеет под собой оснований.
4. Желание Невидимки учинить в городе индивидуальный террор выглядит неправдоподобным. Ученый, выпускник университета, обладающий познаниями в области химии и физики, позволившими ему сделать столь значительное открытие, при наличии определенной фантазии (которая у Гриффина, видимо, должна быть) должен понимать бесплодность индивидуального террора, как и его аморальность.
5. В главе 19 встречается следующий, чисто мелодраматический пассаж: «Тогда я ограбил своего старика, своего родного отца .. Деньги были чужие, и он застрелился». В этих двух фразах с большой небрежностью переданы события, которые должны были вызвать у Гриффина как у героя повести ряд сильных чувств. Вместо этого Гриффин рассказывает об этих ключевых событиях своей жизни более чем сухо.
6. Невидимка путешествует по роману зачастую полностью обнаженным (почти как герой Набокова в романе «Дар»). При этом ни слова не сказано об естественном человеческом стыде героя.
7. В повести Невидимка сбрасывает с себя одежду с необыкновенной стремительностью. При этом желающие поймать его ничего не могут предпринять, глядя на это зрелище. На самом деле в этот момент Гриффина было бы проще всего поймать.

8. В повести Невидимка делает невидимым только себя, но на ум ему никак не приходит сделать невидимой и свою одежду, в которой он собирается ходить по городу.

Достоинства повести.

История Невидимки написана с большой фантазией и размахом. Особых слов благодарности заслуживает вторая часть повести, где Невидимка рассказывает о своих научных опытах и впечатлениях человека, оказавшегося невидимым, но не обдумавшего как следует план своих действий. На улице Невидимка дважды едва не попадает под движущийся экипаж. Спускаться по лестнице для него затруднительно, так как он не видит своих ног. Он всеми силами избегает толпы, где его присутствие было бы тотчас обнаружено. Он страдает от холода, ибо действие повести происходит в январе. Он вынужден искать пристанища и ночлега. Он не может выходить на улицу в снег, метель или дождь. В первых двух случаях снег облепил бы его всего, в третьем – вокруг него образовался бы некий водяной пузырь.

На некоторое время Невидимка находит приют в большом универсальном магазине – « .. очутился перед огромным магазином "Omnium", - вы знаете

его, там торгуют решительно всем: мясом, бакалеей, бельем, мебелью, платьем, даже картинами. Это скорее гигантский лабиринт всевозможных лавок, чем один магазин». Здесь довольно уютно (Невидимка устраивается на куче тюфяков), тепло, и есть продовольствие. В закуской после закрытия магазина он находит холодное мясо, в кофейнике – немного кофе. Невидимка зажигает газ и подогревает его. «В общем, устроился я недурно», - резюмирует он. Это, пожалуй, самый светлый момент во всех похождениях Гриффина. В кондитерском отделе он находит целую грудку шоколада и засахаренных фруктов, «которыми чуть не объелся». После этого он чувствует себя в состоянии полной безмятежности и с оптимизмом, по его словам, глядит в будущее. Однако ночью ему снится страшный сон – он видит могилу своего предка, викарий произносит «напустившие» слова, а затем страшный голос говорит Гриффину: «И ты». После этого вердикта Невидимку схватывают такие же невидимые как он существа и тащат к могиле. Гриффин отчаянно сопротивляется, однако его бросают в «дверь на земле» и начинают засыпать землей. При этом люди не только не видят Гриффина, но и не слышат его – его просьбы о помощи безрезультатны. Гриффин, по его словам, «стал судорожно барахтаться – и проснулся».

Здесь в романе появляется вновь тема отца, от которого отрекся Гриффин, она предопределяет отношение к Невидимке автора и финал повести, не радостный для ее героя.

Гриффин просыпается – и видит как к нему приближается два сотрудника универсального магазина. Гриффин одет – но люди не видят его лица (тогда Гриффин еще не догадался прятать его за париком, бакенбардами и накладным картонным носом). Гриффин бежит от них, пугая по дороге парнишку. В магазине проявляется впервые разрушительный талант Гриффина. Он бросает в своих преследователей лампу и цветочные горшки, чем вызывает немалый переполох в магазине. В итоге ему удается сбросить с себя всю одежду и скрыться.

На улице Невидимка простужается. Но ему удается проникнуть и обосноваться в доме хозяина лавки, которого он оглушает и спускает с лестницы. Гриффину нужно было обязательно покинуть этот дом одетым, именно этим обстоятельством он объясняет свой необычный поступок. Он находит в доме одежду, саквояж, пудру, румяна и пластырь, а также маску, бакенбарды и парик.

Схожие произведения.

Тема повести «Человек – невидимка» продолжена в рассказах Уэллса «Новейший ускоритель» и «Страна слепых». В рассказе «Новейший ускоритель» друг героя профессор Гибберн, «прославившийся среди физиологов своими работами по изучению

действия медикаментов на нервную систему», так же как и Гриффин, делает уникальное открытие, которое он называет «Новейший ускоритель». Прежде чем приступить к его продажам (профессор говорит, что он вправе рассчитывать «на приличную мзду» и восклицает – «В конце концов почему все лучшее от жизни должны получать какие-то колбасники!») профессор опробует препарат, содержащийся в маленьком зеленом пузырьке, на себе и на своем друге. Герой пробует препарат (вместе с профессором), и выясняет, что он действительно дает увеличение скорости процессов в организме как минимум в тысячу раз. Вокруг героев все как бы замедляет ход. Так, стакан, выпущенный профессором из рук, не разбивается, а вопросительно повисает в воздухе.

« - Грубо говоря, - поясняет Гибберн, - в наших широтах падающий предмет пролетает в первую секунду футов шестнадцать. То же самое происходит сейчас с моим стаканом .. Но он не успел пролететь и сотой доли секунды» (Г.Уэллс, 1981, 465).

Этот стакан медленно опускается, и тогда герой понимает, что время вокруг него словно бы замедлило ход. Так же как герой повести «Человек-невидимка» герои рассказа проходят по улице мимо остановившегося omnibusа, застывших, бездвижных прохожих и экипажей совершенно незамеченными – просто они движутся слишком быстро, чтобы чей-то глаз мог бы их увидеть. Они видят медленно перебирающую крыльшками, летящую по воздуху пчелу, затем подмигивающего девицам молодого человека (причем его глаз форменно страшен), оркестр, с напряженным видом выдувающий отдельные звуки. Среди сидящих в неподвижности на лужайке Гибберн обнаруживает свою соседку с болонкой, которая досаждала ему тем, что «вечно лает». Гибберн решает отомстить соседке, хватая собачку и мчится с ней к скалистому берегу. И участь бедной собачки была бы незавидна, если бы герой не обнаружил, что действие препарата уже на исходе. Таким образом, месть здесь также не удается. Гибберн довольствуется тем, что швыряет собачку в воздух.

Она шлепается на зонтик одной из дам, чем отвлекает всеобщее внимание от неожиданного появления героев рассказа на лужайке. В своеобразном эпилоге рассказа герой замечает, что история «Новейшего ускорителя» также не исчерпала себя и может иметь продолжение. До сведения читателя доводится, что скоро «Ускоритель для нервной системы» доктора Гибберна будет продаваться в любом аптекарском магазине и трем его степеням ускорения: 1 : 200, 1 : 900, 1 : 2000, будут соответствовать разноцветные этикетки – желтая, розовая и белая.

В рассказе «Страна слепых» речь идет о таинственной горной долине, лежащей якобы в самой глуши Эквадорских Анд – Стране слепых. Про попытке группы англичан взойти на Параскопотел – «исчезает» их проводник по имени Нуньес. Ему и суждено стать героем рассказа. Кубарем скатившийся по обширному склону Нуньес остался жив и обнаружил луговину с домиками, где жили слепцы. Нуньес спускается в зеленую луговину, осматривает домики и оросительные ручьи его жителей. Он видит трех обитателей долины, кричит им, махает руками, но его взмахи нисколько не привлекают внимания слепцов. «Дурачье! Слепые, они что ли?» - первая мысль, которая приходит на ум герою.

Нуньес знакомится со слепыми, причем те принимают его – в соответствии со своим уровнем образования – за духа, вышедшего из скал. Но когда они обнимают и ощупывают героя, то убеждаются в том, что он – человек.

Для слепых Нуньес – «странное создание», «чудище». У него жесткий волос, «как у ламы», подбородок его «шершав». Слепцы решают отвести Нуньеса к представителям местной власти – старейшинам.

Нуньес говорит, что пришел из города Боготы. Название города слепцы, в силу своей наивности, принимают за имя героя. Отныне они называют его исключительно Боготой.

Нуньес в доме без окон, куда его привели, пытается рассказать старейшинам о «большом мире, откуда он упал к ним, о небе, о горах, о зрении». Но понимания среди слепцов он не находит. Старейшины племени находят, что этот человек еще недавно сотворен и ум его еще не сложился, а чувства – не развиты.

В целом положение Нуньеса в стране слепых напоминает положение незадачливого студента перед мужиками в рассказе Аркадия Аверченко «Русская история». Что бы ни рассказывал Нуньес о зрении и видимом мире, его повествование не находит отклика у слушателей, за исключением двоих – троих слепцов. Когда слепцы в очередной раз высмеивают Нуньеса, он решает, что наступила пора перейти к действию. Он завладевает лопатой и заявляет слепцам, что будет делать в долине все, что захочет. Слепцы предпринимая попытку изловить Нуньеса, но тому удается пробиться к калитке в окружной стене. Два дня и две ночи проводит герой за стеной долины слепых. В отличие от человека – невидимки, Нуньес – герой вполне цивилизованный. Он не может себя заставить прибегнуть к индивидуальному террору – напр., пойти и убить какого-нибудь слепца, чтобы показать свою силу и вселить в обитателей долины страх. Он пробует искать пищу или изловить ламу – напрасно. На третий день в состоянии, близком к отчаянию, он вступает в переговоры с слепыми.

Он подтверждает тезис о том, что был недавно создан и поэтому не обладает столь высоким умом, как слепцы. Речь Нуньеса нравится слепцам. Его принимают снова в поселок. В качестве наказания его выпарывают и заставляют делить тяжелую работу. Нуньеса определяют к некоему слепцу по имени Яков, у которого есть красивая младшая дочь Медина-Саротэ. Нуньес начинает питать к ней нежные чувства и думать о том, как получить ее в жены. В беседах с Мединой-Саротэ Нуньес рассказывает ей о зрении, которое представляется его возлюбленной всего лишь поэтическим вымыслом. Но слепцы, в частности, Яков, считали мысль о женитьбе Нуньеса и Медины-Саротэ «невозможной», - Нуньес представлялся им кретином, идиотом. «Всю молодежь страны слепых приводила в ярость мысль о порче расы, а один парень так разошелся, что грубо обругал Нуньеса и ударил его».

Один из старейшин страны, слепой врач, решает пойти навстречу пожеланиям Нуньеса и «излечить» его. По мнению этого доморощенного «врача», у Нуньеса не больше и не меньше как поврежден мозг – «Те странные придатки, которые называются глазами и предназначены создавать на лице приятную легкую впадину, у Боготы поражены болезнью, что и вызывает осложнение в мозгу». Затем слепой продолжает развивать свою теорию и в завершение беседы высказывает мысль о некой «хирургической операции» на глазах, которая могла бы Нуньеса спасти (сделать его таким же слепым, как и собственно лекарь). Медине-Саротэ приходится по душе эта мысль старейшины и она принимается уговаривать Нуньеса согласиться на операцию. « - Тебе будет только чуть-чуть больно, - сказала она, - И ты пройдешь через эту боль .. ты пройдешь, через нее, любимый, ради меня .. Я вознагражу тебя». Этот мелодраматический пассаж говорит сам за себя.

Однако Нуньес вовсе не собирается участвовать в предложенном ему проекте. Он видит прекрасный мир над долиной слепых – горы, залитый солнцем лед, снега, их «безконечную красоту» и думает о Боготе – многообразном городе с его дворцами, статуями и фонтанами. Он начинает карабкаться в гору. К закату он забирается довольно высоко. В финале рассказа Нуньес предстает «примиренным и довольным», и читатель понимает, что ему удалось вырваться из долины слепцов.

Сходство повести «Человек – невидимка» и рассказа «Страна слепых» было отмечено исследователями творчества Герберта Уэллса, назвавших Гриффина «зрячим в городе слепых».

Джеймс Джойс. Улисс.

Я услышал как-то раз из-за кулис:
Нету пьесы лучше, братцы, чем «Улисс».
Я прочел ее три раза и еще разок «на бис».
Что он пишет там, зараза, этот рьяный

модернист!

Припев:

Джеймс Джойс, уа – уа – уа,
Джеймс Джойс, уа – уа – уа ..

Вдруг гляжу – в конце романа комментарий,
Комментарий для обоих полушарий, -
И хоть, братцы, я совсем не пролетарий,
Сразу бросился в ближайший дельфинарий.

Из стихотворения Алексея Липина.

Тема. Роман содержит описание событий одного места – Дублина – и одного дня – 16 июня 1904 года. У героев его, по мнению исследователей, есть прототипы: Блум – Одиссей (он же – Улисс), Стивен – Телемак, Молли Блум – Пенелопа, Белла Коэн – Цирцея. У каждого из эпизодов романа – особая словесная техника, напр.:

- Эпизод 7 – имитация газеты,
- Эпизод 10 – синхронные субэпизоды,
- Эпизод 11 – словесное моделирование музыки,
- Эпизод 12 – городской анекдот и высокая пародия,
- Эпизод 13 – пародия на дамскую прессу,
- Эпизод 14 – модели английского литературного стиля от древности до современности.
- Эпизод 15 – драматическая фантазия,
- Эпизод 16 – антипроза,
- Эпизод 17 – катехизис,
- Эпизод 18 – поток сознания.

Композиция. Часть первая называется «Телемахиды».

Эпизод первый – «Телемак». Место действия – башня Мартелло, время – восемь часов. Фальшивый друг и завистник Стивена Бык не без помощи старушки-молочницы выживает героя из места его обитания – этой башни (актуализируются оппозиции Англия – Ирландия, имеющий отца – оставшийся без отца (Гамлет), вампир – жертва, богохульник – теолог).

Эпизод второй – «Нестор». Стивен дает урок истории в школе, затем беседует с директором школы Гэрретом Дизи, ольстерским ирландцем, об истории (аналогия с песней, в которой Телемак в надежде узнать о судьбе отца посещает старца Нестора; прототип Дизи, таким образом, - Нестор, Кити О’Ши – Елена Троянская. Дизи обрисован с некоторым ироническим сдвигом. Тема урока Стивена – бессмысленность истории. Стивен наблюдает также игру учеников в хоккей и сравнивает ее с «турниром жизни», битвами и войной.

Эпизод третий – «Протей». Стивен возвращается к жизни города. Он бродит по берегу моря и решает порвать с Быком Маллиганом. Размышляет об Аристотеле. Испытывает страх «собаки врага» и вспоминает, как в каком-то стихотворении пес хоронит свою бабку.

Часть вторая называется «Странствия Улисса».

Эпизод четвертый – «Калипсо». Мы видим нового Одиссея – Леопольда Блума, еврея, рекламного агента тридцати восьми лет. Сначала он готовит завтрак для новой Пенелопы – своей супруги Молли, затем сам уминает почки, читая письмо от дочери, по отношению к которой чувствует отцовскую заботу и беспокойство. Кроме того, его терзают мысли об измене жены (которую он обожает). Проведена аналогия с песней «Одиссей в плену у нимфы Калипсо» (в спальне Блумов изображена нимфа). Речь идет также о мыслях Блума о сыне Руди, который ушел в мир иной еще младенцем, о кошке, которая лакает молоко.

Эпизод пятый – «Лотофаги». Время – десять часов. Блум дает объявление в газету и начинает амурную переписку с Мартой Клифффорд. Затем направляется в турецкие бани, где находит

атмосферу праздности. Ему приходит мысль о лотофагах – то есть поедателях лотоса, впадающих в наркотическое состояние, и о евхаристии. Блум приводит к выводу о том, что религия – это опиум для народа (? – И.П.). Затем Блум читает письмо Марты и рвет конверт. Эпизод шестой – «Аид». Время – одиннадцать часов. Описана заупокойная месса школьного товарища Блума за северной окраиной города. На выходе Блум неожиданно встречается с Ментоном (аналогия с песней одиннадцатой: Мартин Каннингем – Сизиф, Ментон – Аякс, смотритель кладбища – Аид, его супруга – Прозерпина). Блум едет в карете с Каннигемом, размышляет о дочери и о жене. Ему приходит мысль о том, что люди и среди могил «объязы жизнью».

Эпизод седьмой – «Эол». Время – двенадцать часов. Блум за работой, где ему высказывает свои грубости главный редактор Майкл Кроуфорд. В отсутствие Блума в редакцию заходит Стивен с письмом Дизи (см. эпизод второй); получив жалованье, приглашает всех выпить (прототип редактора – Пэт Мид, любитель алкоголя). Редакция тождественна «семейству Эола», здесь дуют ветры - сквозняки.

Эпизод восьмой – «Лестригоны». Блум по воле автора блуждает по Лондону. Он встречает старую знакомую, за которой когда-то ухаживал, узнает от нее о тяжелых затянувшихся родах у еще одной, не близкой знакомой. Старая знакомая рассказывает о кошмаре своего супруга, которому снится пиковый туз, поднимающийся по лестнице. Затем Блум закусьивает в трактире. Здесь набирает силу поток сознания Блума. Его дразнят запахи мяса и овощей, дразнит картина пожирателей – дублинцев. Блум сравнивает их с животными, процесс поедания – с убийством, вино – с ядовитыми ягодами, «искусительным плодом».

Эпизод девятый – «Сцилла и Харибда». Время – четырнадцать часов. Стивен сражается с представителями интеллектуальной элиты Дублина по поводу В.Шекспира. Сцилла – это Аристотель, догма, Стартфорд. Харибда – мистицизм, Платон, Лондон. Между ними – Стивен (Улисс). Стивен излагает свои взгляды на пьесу «Гамлет»:

1. Шекспир – прототип короля – отца (а не Гамлета),
2. Изменившая королева – это жена Шекспира (звучит тема предательства, ведь в романе Бык предает Стивена, а Молли изменяет Блуму).

Стивен прямо указывает на озабоченность Шекспира темой брата – захватчика и прелюбодея и мотивами изгнания из дома и из сердца.

Рассел и Эглинтон в легком шоке. По завершении дискуссии к герою подходит Бык Маллиган. Стивен уходит вместе с Быком, причем Бык острит и сочиняет на ходу пьеску.

Эпизод десятый – «Блуждающие скалы». Время – пятнадцать часов. Главный герой эпизода, по мнению исследователей, - город Дублин. Молли ожидает «героя-покорителя» - обидчика Блума. Бывший священник Джон Конми бродит по улицам. Едет в трамвае, размышляя о контролерах и неграх, о «неутомимых плотских влечениях». Кони Келлехер разговаривает с полисменом. Одноногий матрос просит милостыню. Буян Бойлан посещает магазин, Блум – книжный магазин. Стивен также в магазине встречает Дилли.

Эпизод одиннадцатый – «Сирены». Время – шестнадцать часов. Место действия – бар и холл отеля «Ормонд». Мисс Кеннеди и мисс Дус сильно веселит приход Блума. Также они видят зашедшего в бар мистера Дедала, а затем Ленехана, который ищет (и находит) Бойлана. Блум слушает арию «Все уже потеряно» - «старую песню любви», вспоминает о некой Марте, размышляет о музыке – математике неосознанного, о море, ветре, о Церкви, о розах и ужасе «той стороны». В завершение эпизода является игравший слепой юноша на пороге. Эпизод насыщен строками из баллад, арий, песенок. Во время эпизода однозвучно звенит колокольчик, цокают копыта, в баре звучит рояль.

Эпизод двенадцатый – «Циклоп». Время – семнадцать часов. Место действия – бар Барни Кирнана. Блум заходит туда вместе с неким Джо Хаинском. Пьет и судачит там с Олфом Бергеном, Бобом Дореном и с неким Гражданином исполинского роста в сопровождении красноодноглазой собаки (да это же пес, который хоронил свою бабуку!). Олф и Боб узнают о кончине падди Дигнама, рыдают. Джо Хаинс показывает всем письма палачей из своей коллекции (тут же взору героя предстает картина казни – радостный народ взирает на

эшафот в предвкушении зрелища). Блум рассказывает несколько новостей из области науки, чем вызывает ироническую насмешку на лицах присутствующих. Гражданин с пафосом прославляет Ирландию и ирландцев, а узнав, что Блум – еврей, с энергией заявляет: «Я этому жидку мозги вышибу». Блум во избежание кровопролития ретируется. В главе – тридцать три пародии стиля и жанра: на рыцарский эпос, на романтический стиль, кельтские предания, научные статьи, сентиментальный репортаж и даже на Библию.

Эпизод тринадцатый – «Навзикая». Время действия – двадцать часов. Место действия – берег Сэндимаунта, где утром бродил Стивен Дедал (в третьем эпизоде). Теперь сюда пришел Леопольд Блум после трудного денька – похорон знакомого, встреч в редакции, ссоры с ирландским националистом, посещения вдовы Дингама.

Три девушки – Сиси Кэффри, Эдди Бордмен и Герти МакДауэлл коротают вечер на берегу моря с маленькими младшими братишками – близнецами, играют в мячик. Одновременно в прибрежной Церкви идет вечерняя служба деве Марии, «звезде морей». Герти – ирландская хромоногая красавица – мечтает о счастливом браке с неким Уайли. Затем идут пространные рассуждения Блума о молодости, о природе, женщинах, увянувших цветах, о собаках и кошках. Стиль эпизода – пародия на роман «Фонарщик» Марии Каммнис (на этот «мармеладно-сюсюкающий фимиам»). Прототип Герти – Марта Флейшман (хромала). В мифическом плане есть реминисценция старой истории о приютившей Одиссея принцессе Навзикее (Герти – Навзикая).

Эпизод четырнадцатый – «Быки Гелиоса». Время – двадцать два часа. Место действия – родильный дом. Знакомая Блума миссис Пьюрфой вот-вот должна разрешиться от бремени. В приемной больницы Блум встречается с группой студентов-медиков, которые обсуждают проблемы деторождения и контроля над рождаемостью, напр., Маллиган предлагает устроить национальную оплодотворительную ферму «Омфал», разбирают «проблемы акушерской науки и судебной медицины», беседуют о покрытых собачьей шерстью и других милых младенцах. Пока они шутят таким образом, ребенок рождается, и вся компания оправляется выпить к Берку. Блум меж тем взволнован встречей со Стивом. «А не мой ли это сын Руди, умерший во младенчестве?» - мелькает в его затуманенном мозгу смутная догадка. Справка: быки Гелиоса были как-то заколоты друзьями Одиссея, которых впоследствии за это потопил Зевс. Одиссей чудом спасся. Тучные стада быков – символ плодородия, жизненной силы; их истребление – преступление против Божественного дара жизни. Первая часть главы – пародия на средневековых авторов (Саллюстий, Тацит, Элфрик и другие). В русском переводе – на старославянском языке, что существенно затрудняет ее чтение для человека, не знакомого с элементарными сведениями из области исторической грамматики. И еще: Римскую католическую церковь Джойс называет «бардаком с семьей шлюхами».

Эпизод пятнадцатый – «Цирцея», самый длинный эпизод романа. Джеймс Джойс переписывал его девять раз. Время – полночь. Место действия – квартал публичных домов Дублина. Второй план – подсознание героев (видения, фантазии, сны). Здесь бордель превращается в зал суда и в храм черной мессы. Все куда-то движется, все во что-то превращается (гомеровский план: превращение спутников Одиссея по воле волшебницы Цирцеи в свиней, человеческий облик сохраняет только Одиссей; причем в этом ему помогает волшебное растение «от Гермеса», а у Джойса – Руди, любовь к которому и есть растение, хранящее Блума в этой жизни. При появлении Руди бессмыслица прекращается, воцаряются покой и тишина).

Итак, перед нами – картина ночного Дублина. Закопченные лачуги, помойка, в которой копаются Пигмей, Карга и Рахитик. Глухонемой идиот – вокруг него водят хоровод дети. Сиси Кеффри поет песенку про ножку гуся. Появляется Стивен, изрекает несколько афоризмов по-латыне. И вот мы видим Блума. Он только что прикупил в лавке теплую свиную и холодную баранью ножку, и, задумавшись, не замечает, как в тумане к нему подкрадывается трамвай («Может, тот самый, что утром загородил мне модницу»). Вожатый жмет на тормоза, орет на Блума, затем едет дальше. Из тумана появляются папа (Рудольф) и мама (Элен) Блума, к слову, давно уж почившие в Бозе. Они огорчаются, увидев своего сына

в такое время в таком месте и столь непрезентабельно одетого. Затем на смену им приходит его жена Мэрион с верблюдом. На востоке восходит сияющий кусок мыла.

Кстати, во время встреч с персонажами романа одежда на Блуме разительно меняется: то это спортивный костюм и кремовая рубашка, то красная феска о орденом Почетного легиона (фальшивым), то блуза рабочего, то детские рейтузы. После беседы с миссис Брин Блум со скулящим псом идет к «вратам». Размалеванные куклы глядят из окон .. Сладкий тошнотворный дымок плывет к нему кольцами. Дает мастеру баранью ногу. Появившийся внезапно патруль задерживает его, обвиняя в загрязнении общественных мест. Начинается суд над Блумом. Появляется из тумана Марта с алой ленточкой вокруг шеи и просит вернуть ей доброе имя. Мэри Дрисколл, миссис Барри и леди Беллингем обвиняют Блума в непристойном поведении. Тол Бойс заявляет: «Это плебейский Дон-Жуан». Блум обещает встать на путь исправления, рассказывает о своей несчастной судьбе. Ему вторит Дж.Дж.О'Моллой: «Мой подзащитный – дитя, бедный эмигрант». В суд врывается с криком «Держи вора!» толпа шлюх и оборванцев. Леди Беллингем, охарактеризовав Блума как типичного садомазохиста, предлагает устроить ему вивисекцию. Главный судья оказывается более милостив и приговаривает Блума всего лишь к казни через повешение.

Появляется всегда готовый к услугам палач Рамбольд. «Была бы шея, веревку същем», - развязно сообщает он судье. Блум пытается защититься – у него алиби, ведь он был на похоронах. Ему не верят. Но тут появляется гончая с зелеными сверкающими глазами и в темном саване с лицом Падди Дингама и заявляет: «Это правда. Это были мои похороны», после чего с чувством исполненного долга уползает в подвальный люк. За ним ковыляет жирная старая крыса.

Зоя забирает у Блума талисман – картофелину. Колокольный звон сообщает Леопольду, что он – «лорд-мэр» города Дублина, великий реформатор мира. Толпа обнажает головы, кричит: «Боже, храни Леопольда Первого!» На черном вороне увозят Молли, вместо нее появляется прекрасная Селена. Толпа неистовствует. Груднички и ползунки поют: «Я хороший, тихий мальчик, / Лео мне подарит мячик!» Даже Гражданин (см. эпизод 12) благословляет Блума. Блум пляшет вальс, отдает пальто нищему, качает близнецов, играет с инвалидами. С пылкостью в это время вонзает себе в грудь кинжал Сивилла. Дамы совершают массовые самоубийства во имя Блума. В это время появляется Алекс Дауни и обвиняет Блума в его принадежности к миру Темных. Доктор Маллиган не столь категоричен. Он считает, что «у доктора Блума наблюдается бисексуальная аномалия». А доктор Диксон присовокупляет: «Он скоро ждет ребенка». Дальше Джойса понесло. «Ах, я так мечтаю стать матерью», - произносит и сам Блум, и после родовых схваток якобы производит на свет восемь желтых и белых мальчиков. Его объявляют мессией и забрасывают бутафорскими камнями. «Сон жизни подошел к концу, - смиренно резюмирует наш герой, - Прощайте». Блум превращается в ребенка и следует за некой Зоей в бордель, где встречается с экспансивным домовым, принимающим ставки на Второе пришествие. На небе действительно появляется белая звезда и светопреставление с шотландским акцентом. Появляется пророк Илия за кафедрой с флагом Соединенных Штатов, приглашает на сцену восемь блаженств. Из камина выскакивает дед Блума – Вираг – и консультирует Леопольда по вопросам сексологии (очерки из жизни животных и насекомых). В результате консультации Леопольд приходит к малоутешительному выводу: « .. инстинкт правит миром. В жизни. В ..» Дедуля кричит петухом, мяукает, щелкает челюстями, откручивает у себя голову, прыгает в зарослях тростника. Появляется Стивен с семьей прислужниками – семьей грехами. Блум произносит заклятия, и Стивен удаляется. Вместо него из-за двери появляется хозяйка заведения – тучная Белла Козн с говорящими веером и козлиным копытом. Блум завязывает ей шнурки, затем сам постепенно начинает превращаться в свинью .. хрюкает, роет рылом. Белла обещает сделать из Блума «очаровательную субретку», нарядить его в женское платье, дабы он стирал и полоскал белье, убирал постели, выносил ночные горшки .. Тут же в зал заходят грехи прошлого и напоминают о перманентной необходимости расплаты за них. Блум обещает пожаловаться полиции. В ответ Белла показывает ему Сонную пещеру, кричащую: «Рип Ван

Винкль!» и его дочь Милли. Увидев ее, Блум падает духом окончательно и рыдает. Перед ним вырастает Стена плача, из которой выходит нимфа, которая висела в картине в спальне Блумов, - и упрекает Леопольда за его греховные мысли. «Да, я был как полнейшая свинья», - сознается он. «Мы чисты и холодны как камень, - рассказывает нимфа о себе, - Сестра Агата .. Желаний нет больше .. Только эфирность». Кстати, нимфа – в белом одеянии монахини и без глаз. Исчезает, пырнув на прощанье Блума кинжалом.

Возвращаются кошмарная Белла Коэн и зоя, у которой Блум пытается выпросить свою картофелину (талисман матери), но увы .. Стив декларирует:

Лис уж поет, кочет в полет.
Колокол в небе
Одиннадцать бьет.
Бедной душе ее с неба долой
Час улетать настает.

Зоя гадает Стивену и Блumu по руке. Приходит Бойлан и, сняв шляпу, надевает ее на растущие у Блума на лбу олени рога. В зеркале появляется лицо Вильяма Шекспира. Пьяно раскачивается колокол. Блум видит, как Стивен превращается в схоронившего свою бабушку жирного лиса, за которым гонится стая гончих, охотников, охотниц, букмекеров. И эта толпа жаждет крови лиса. Стивен находит «жезл жреца», кружится в танце с Зоей, Кити – с Линчем. С ними танцуют часы в легких сандалиях. Вдруг пары распадаются. Стивен не может остановиться, комната кружится вокруг него. Огненные рельсы убегают в пространство. Через пол комнаты поднимается мать Стивена и предлагает: «Покайся, Стивен». Наверху башни стоит Маллиган в шутовском наряде и подтверждает: «Сыграла в ящик .. Пес – бедолага отправил ее на тот свет». Но Стивен не желает каяться. Ему в сердце вонзается зеленый краб с красными глазами (Боже мой, какой бред! – примечание редактора). Линч, Кити и Зоя выскакивают из комнаты, увидев приехавшего Корни Келлехера. Блум тоже выходит: сходит по ступенькам, пряча лицо, но напрасно, - его догоняет неистовая Свистопляска. Она состоит из патрульных, незнакомцев и других странных господ. Они кричат: «Держи Блума! Эй! Эй!» Потом появляется король Эдуард Седьмой в белой фуфайке. «Пойдемте домой», - говорит Стивену испуганный Блум. «Не стану уходить в сторону», - отвечает Стивен. Они становятся свидетелями казни Юного бунтаря (причем после оной палач Рамбольд залезает головой в дымящиеся кишки повешанного с возгласом «Боже, храни короля!»), видят беззубую бабуся. Вдали раздается крик: «Дублин весь горит!» Взметаются языки серого пламени. Галдят игроки на скачках. Визжат шлюхи, завывают сирены. Ведьмы летают на метлах в красных рубашках (картина паники, похожая на ту, что изображена в финале романа «Имя розы»). Выпадает дождь из драконьих зубов, за ним на поле вырастает вооруженное войско. Начинается черная месса. Блум снова предлагает Стивену удалиться, но тот хочет смотреть «пир чистого разума», за что получает по лицу от рядового Кара и падает навзничь. Блум тормозит Стивена. Тот бормочет: « .. тени лесов .. море в дымке» - и сворачивается клубком. На темном фоне стены возникает фигурка волшебного мальчика одиннадцати лет с тонкой палочкой из слоновой кости, агнцем и книгой (атрибуты Гермеса). Блум, пораженный, зовет: «Руди!» Руди читает книгу, смотрит в глаза Блума, не видя их.

Эпизод шестнадцатый – «Эвмей». Время – с пятнадцати минут первого до часа ночи (наступила пятница). Блум, спасший Стивена от неприятностей с полицией, ведет его к себе домой по ночным улицам Дублина. Блум утомлен, - его усталость отражена автором в сбивчивом внутреннем монологе (проза «буксует»). Они идут мимо пекарни Джеймса Рурка, мимо железной дороги. По пути Блум читает Стивену мораль об алкоголе, «дурных женщинах» и «лихих ребятах». По пути им встречается лорд Джон Кроли, сын инспектора. Напирая на свое бедственное положение, он просит у героя денег. Стивен дает ему полкроны. Когда Кроли удаляется, Блум спрашивает: «Почему вы оставили отчий дом?» «Искать

несчастий», - отвечает Стивен. Они находят дешевенькую забегаловку – место встречи дублинских возчиков – «Приют извозчика», пьют там кофе с рыжебородым моряком Мэрфи, который рассказывает об отце Стивена – Саймоне и о своих путешествиях по Красному морю, Китаю, Южной америке, Северной америке, Стокгольму, Черному морю и по России (напр., рассказано о том, как китайцы варят суп из крыс), показывает якорь – татуировку, свою финку. «Уберите .. этот нож, - говорит Стивен, - Не могу смотреть на его острие. Он напоминает мне о римской истории». Потом моряк рассказывает о «летучих голландцах» - о том, как суда теряются в тумане, про столкновения с айсбергами, оплакивает упадок ирландского судоходства. Блум скептически выслушивает это, а на ухо Стивену сообщает: «В Англии началось процветание, когда Кромвель привез их (евреев) туда ... Кстати, предлагаю, чтобы каждый имел доход в триста фунтов в год. Это содействовало бы большей сердечности между людьми». Под руку героям подворачивается экстренный выпуск «Телеграфа», и они вслух читают заметки про похороны Дингама и скачки. Блум показывает фото своей супруги в молодости. Моряк, надев зеленые очки, увлекается чтением. Выйдя из кабака, Блум и Стивен беседуют о музыке. Выясняется, что Блум «упивается» Мерканданте Мейербером и двенадцатой мессой Моцарта, а Стивен – Даулендом и Джонни Булем, а также песенкой про море и голоса сирен, которую он тут же пропел таким изумительно красивым тенором, что Блум признал в нем большого певца. Символ эпизода – моряк, пловец в море житейском.

Эпизод семнадцатый – «Итака», любимый эпизод Джойса. Блум возвращается в свою Итаку, на Экклс-стрит, 17. Скиталец вернулся, приведя с собой своего сына, обретенного Телемака (Стивена). Время – один час ночи. Блум и Стивен Дедал медленно идут по городу, обсуждая во время странствия музыку, литературу, Дублин, Париж .. Выясняется, что оба они предпочитают музыку живописи или пластике, а континентальный уклад жизни – островному. Подходят к дому, проникают в него через полуподвал. Блум зажигает свечу, кипятит воду для бритвы, анализируя по пути качества гостя, феномен кипения и преимущества ночного бритва, результаты скачек и свои старые акrostихи. В ходе беседы выяснилось, что у них есть общая знакомая – вдова миссис Риордан (Данте), есть знакомый отель – «Крузи» (у Леопольда там перешел в мир иной отец, у Стивена – было романтическое свидание). Блум постоянно возвращается мыслями к «изменщице» Молли (она же – Мэрион). Затем они читают друг другу древнееврейские и древнеирландские тексты. Стивен – «Иди, иди путем своим ..» Блум – «Как половинки гранатового яблока – ланиты твои под кудрями твоими» (из песен Соломона), пишут на оборотной стороне книги ирландские и еврейские буквы, находят точки соприкосновения между двумя этими народами:

- близость литератур,
- их рассеяние, выживание и возрождение,
- вытеснение их синагогальных обрядов гетто (аббатство святой Марии) и в мирской дом (францисканская церковь в Дублине).

Затем герои пьют какао. Стивен исполняет балладу про мальчика Гарри, который играл в мячик и разбил окно евреям. За этот недальновидный поступок милая девушка-еврейка в зеленом наряде режет его ножом – «И больше уж в мяч ему не играть / Он спит непробудным сном». Блум печален. Песенка навеяла ему воспоминания о его дочке – Милли, о ее детстве, когда она вскрикивала во сне от ужаса, играла с обручем и не любила фотографироваться. Тут же он сравнивает ее с кошкой.

Блум и Стивен договариваются начать ряд интеллектуальных бесед, обучать знакомых друг друга вокалу и итальянскому языку. Выйдя через ворота, они увидели над собой «звезд небодрево», и Блум стал думать о далеких фантастических мирах, своим математическим умом пытаясь измерить пространство, ощутить себя соразмерным ему. Ему пришло на ум сравнить луну с .. женщиной (ведь на луне есть «море дождей» и «океан плодородия») .. Или, может быть, это не луна, а Молли зажигает лампу за экраном шторы на третьем этаже?

По небу у группы звезд Волосы Вероники в созвездии Лиры пролетает звезда в сторону Льва. На колокольне церкви Святого Георгия бьют колокола. Стивен уходит. Блум вспоминает своих погибших товарищей. Приближается заря. Дома Блум расставляет на полках книги, составляет бюджет 16 июня, предается мечтаниям о будущей своей жизни в качестве джентельмена-фермера, дворянина или крупного промышленника, счастливого, открывшего «золотую жилу с неиссякаемыми запасами». Мечты Блума перед сном – средство забыть о страхе самоубийства во сне вследствие помрачения рассудка. Затем Блум разбирает бумаги в ящиках, находит письмо Марты Клиффорд (эпизод 5), вспоминает об отце – о том, как рассматривал с ним карту Европы – о космосе, где будут «почет и дары чужеземцев, друзей Всякого» и «бессмертная Нимфа, прекрасная, суженая Никого».

Уж поздний час. Наш герой ложится спать, рассуждая о грехах своей супруги, испытывая «зависть, ревность, отрешенность», вновь прогоняет в своей голове весь катехизис семнадцатого эпизода, растворяется в некоем «вечном движении», увлекающем его на запад в вечно неизменном пространстве. «Он отдыхает. Он странствовал. Вместе с Ними. На пути к темной постели было квадратное круглое Синбад-Мореход птицы рух гагары яйцо в ночи постели всех гагар птиц рух Темнобада – Солнцевсхода. Куда? ..»

Итак как эпизод – это целый скелет, где кости – события дня.

Эпизод восемнадцатый – «Пенелопа». В мае 1921 года Джойс писал: «Заканчиваю работу над математико-астрономической, физико-механической, геометрическо-химической сублимацией Блума и Стивена и вскоре приступаю к последнему амплитудно-криволинейному эпизоду «Пенелопа». Время – два часа ночи. Место действия – сознание засыпающей Молли Блум (прообразом которой была Нора Барнакль, жена Джойса). «Эти сорок страниц – отличный материал для изучения неврозов и фобий самого автора», - говаривал Густав Юнг. Именно этот эпизод послужил причиной возбуждения судебного разбирательства в отношении «Улисса».

Автор предлагает «поток сознания» Молли Блум. Мысли героини отчетливо примитивны, как и представление о ее сознании Джойса. Так, она думает

а) о себе – вспоминает историю своего романа с Л.Блумом, испытывает недовольство оттого, что «надо исповедоваться потом» (образ священника отождествляется с образом отца), тем, что живот у нее «великоват» и «надо прекратить за обедом пиво», сравнивает себя с кошкой, вспоминает о Милли. «Что ж я надеюсь она найдет себе кого-нибудь кто будет плясать вокруг нее», замечает свое сходство с ней – «Я была точно такая же», сетует: «Ох .. кто только выдумал эти женские дела впридачу еще к стряпне и шитью детям», фантазирует: «иногда, Господи Боже, думаешь а не выйти ли в темный вечер на набережную где тебя никто не знает да подцепить матроса .. изголодавшегося по этому делу», но ее останавливает то, что «наверно из этих матросов половина с дурной болезнью», горюет о преставившемся младенчике.

б) о супруге- Леопольде Блуме – бессознательно сравнивает его с псом, ревнует к миссис Риордан, к служанке, вспоминает гибралтарские ночи, их love story. Историю ухаживания Леопольда, подарившего восемь огромных маков.

в) о мужчинах – «все мужчины обманщики», «все для мужчин», «они не знают, каково это быть женщиной и матерью, откуда им», «принц Уэльский.. я думаю он как любой мужчина с улицы только что королевского рода все они на один манер вот только с негром бы интересно попробовать»; поток воспоминаний выхватывает фигуры мужа Майны Пьюрфой, который «со своими бакенбардами задает темп начинает ее ребенком или двойней каждый год», «их там целая куча, лезут друг на друга», Бойлана, старого гинеколога Коллинза, бедняги Падди Дигнама («что-то теперь станет с его женой?») и знакомого священника («для женщины что и говорить они потеряны»).

г) о своих мечтах: вспоминая свою любовную связь с лейтенантом Джеком Гарри Малви, представляет встречу с ним, нынешним, с его женой («она знать не знает чем я занималась с ее возлюбленным супругом»), мечтает «сойтись с молодым красивым поэтом» (утром собирается раскинуть карты на эту тему), жить с шиком, красиво одеваться, вкусно есть.

Во время этих раздумий где-то проносится поезд, свистит восточный холодный ветер. В итоге Мэрион приходит к выводу, что частью является прелюбодейкой, но оправдывает это тем, что «женщины для того и существуют (? – И.П.), иначе Он сотворил нас как-нибудь по-другому». Доказательство же творящего разума она находит в природе: « это самое прекрасное дикие горы и море и бурые волны и милые сельские места где поля овса и пшеницы и всего на свете и стада пасутся кругом сердце радуется смотреть на озера реки цветы», «и море алое как огонь и роскошные закаты и фиговые деревья в садах Аламеды и жасмин и Гибралтар где я была девушкой и Горным цветком».

Схожие произведения. В двадцатых – тридцатых годах прошлого века появляется ряд рецензий на роман Дж.Джойса, в основном, в английской и французской прессе. В «Инглиш ревю» в апреле 1921 года ричард Олдингтон замечает, что от метода Джойса до дадаизма – один шаг, а от дадаизма до сумасшествия – еще меньше. «Улисс», по его мнению, - «страшная клевета на человечество», «опасное чтение». «А сколько дикого абсурда будет привнесено в литературу «Улиссом» в роли повивальной бабки!»

Валери Ларбо в «Критерион» не столь категоричен. По его мнению, Улисс – человек, наиболее полное воплощение человеческого среди всех героев эпического цикла. Улисс пережил свое время с стал героем «сложной книги» Джойса.

В статье «Улисс» Джеймса Джойса» Арнольда Беннета («Аутлук», апрель 1922 года) автору романа дана гневная отповедь: «Джойс .. вероятно, думает, что пренебрежение к простодушному и беззащитному читателю есть проявление некоего истинного вкуса и высокой интеллектуальности. Ничего подобного. В таком пренебрежении есть что-то от низкого ума и дурного вкуса. Тяжелая скука .. речевой метод часто оказывается тривиальным .. видение мира и его обитателей у автора убогое, враждебное и немилосердное. Несмотря на это, Джойс – поразительный феномен в лимтературе. Лучшие куски романа – разнузданная сцена и .. монолог госпожи Блум («сорок трудных страниц»). Эта книга не порнография, но она более непристойна, неприлична, зловонна и безпутна, чем большинство откровенно порнографических книг. Джеймс Джойс не останавливается буквально ни перед чем. Он говорит все. Многие, начав, не могут продолжать читать «Улисса» - настоящий шок заставляет их выронить книгу».

По мнению Эзры Паунд, высказанному в статье «Джеймс Джойс и Пекюше» («Меркюр де Франс», июнь 1922), «Улисс» принадлежит к числу романов в сонатной форме, то есть имеющих тему, контртем, репризу, развитие, финал. И к подразделу – роман отцов и сыновей. Автор – «всегда реалистичный в строгом флюберовском смысле слова, всегда документированный .. каждую минуту держит читателя в готовности ко всему, каждую минуту случается неожиданное .. Это роман реалистический par excellence.

Стефан Цвейг в статье «Заметки по поводу «Улисса» (Нойе Рундшау, 1926) назвал жанр романа Джойса «ведовским шабашем духа», «Вальпургиевой ночью рассудка, оргией психологии». Цвейг пытался «психоанализировать» роман и заявил, что в его основе «есть что-то злое». Отсюда – вывод: « .. ненависть или эмоциональная память о полученной еще в юности душевной травме не оставляет Джойса. Все, что пишет этот .. человек – его месть Дублину. Пространство идей накрывается пулеметным огнем символов».

А вот что сказал в 1930 году Гилберт Кит Честертон: «Это напоминает условный язык, придуманный ребенком .. Можно назвать это индивидуализмом или безумием или гениальностью – чем угодно, но это знак времени – стремление создать свой язык. Новый Улисс – противоположность Улисса старого».

В письме Джойсу в августе 1932 года известный психоаналитик Карл Юнг писал: «Я испытываю чувство благодарности к Вам и Вашему гигантскому труду .. Ваша книга, я размышлял над ней более трех лет, прежде чем мне удалось войти в нее .. сорок страниц сплошного текста в конце – эта черед истинных психологических перлов. Думаю, лишь Эрнстова бабушка знает так много о настоящей женской психике. Я – нет .. Вы сможете понять из моей статьи, что сделал «Улисс» с человеком, всегда считавшим себя

уравновешенным психологом». В сентябре того же года на страницах одного из европейских журналов Юнг продолжил свою мысль: «Улисс» - книга, на страницах которой льется поток времени, берущий начало в пустоте и впадающий в пустоту .. безжалостный и непрерывный поток. До читателя ничего не доходит .. Эта книга не в ладу сама с собой».

Евгений Замятин в очерке «Современный запад» высказался так: «Это – не роман и не повесть, а что-то вроде острой художественной летописи подлинной жизни Ирландии. Книга жестокая, звонкая; это пощечина и Британии, и Ирландии».

Карл Радек в докладе «Современная мировая литература и задачи искусства пролетариата» (в августе 1934 года) отметил, что основа книги Джойса – в том, что в ней нет ничего крупного – нет крупных событий, нет крупных людей, нет крупных идей .. «Куча навоза, в которой копошатся черви, заснятая кинематографическим аппаратом через микроскоп – вот Джойс».

В лекции «Улисс» Джеймса Джойса» Сергей Эйзенштейн говорил о методе «Улисса», что это – приближение искусства к науке. По его словам, «впервые в истории литературы показана сама литературная фактура .. Джойс достиг пределов литературы. Многое из того, что он сделал, повторить невозможно».

Анна Ахматова называла «Улисс» изумительной и великой книгой.

В статье Д.Фрэнка «Пространственная форма в современной литературе» находим следующий пассаж: «Элиот, Пруст, Джойс .. в идеале рассчитывают на то, что читатель воспримет их произведения не в хронологическом, а в пространственном измерении. Метод Флобера [его сцена земледельческого суда в «Мадам Бовари» сработана в трех уровнях] использовал Джеймс Джойс. В «Улиссе» большое число намеков, ссылок .. Замысел Джойса – воспроизведение картин, звуков, людей, жилищ, типичного дня, но эпос для Джойса – полное самоустранение автора .., он воздерживается от непосредственной характеристики персонажей, нет предварительных объяснений. Читатель сам сводит эпизоды в картину. И тот же метод композиции использовал Марсель Пруст, который говорил, что роман должен запечатлеть «форму, которая обычно остается невидимой .. форму времени». Пруст – художник времени *par excellence*.

В статье Д.Жантиевой «Джеймс Джойс» можно выделить следующие тезисы:

1. У Джойса было трудное детство. Папа пил, семья часто меняла место жительства. Джеймс уже в девять лет написал политический памфлет «И ты, Хили!»
2. В «Улиссе» Дедал показан в момент крушения своей мечты, он – alter ego автора.
3. Эпизод «Цирцея» построен не теории Фрейда и Юнга, причем метод Фрейда служит приемом стилизации («мостом, через который Джойс провел свою армию»).
4. Образ матери Стивена – символ католической церкви, а призывы самой церкви в романе сравниваются с коммерческой рекламой.
5. Оба героя – пешки в мире хаоса. По Джойсу человек одинок. Сознание героя является самодовлеющим.
6. «Прием внутреннего монолога» ранее встречался у Л.Толстого (у Анны Карениной перед последним броском на рельсы).

В «Лекциях по зарубежной литературе» мВладимиром Набоковым выделены три главных героя «Улисса» - Леопольд Блум, его супруга и Стивен. Мэрион (Молли) Блум, жена Блума, - ирландка по отцу и испанская еврейка по матери. Концертная певица. Если Стивен - интеллектуал, а Блум - интеллектуал наполовину, то Молли Блум определенно не интеллектуалка и при этом особа очень вульгарная. Но все три персонажа, по словам Набокова, не чужды прекрасного.

Набоков выделяет три главные темы книги, которые, по его мнению, «очень просты»:

1. Горестное прошлое. Маленький сын Блума давно ушел в мир иной, но его образ живет в крови и в сознании героя.
2. Смешное и трагическое настоящее. Блум все еще любит свою жену Молли, но отдается на волю Судьбы. Он знает, что в 4.30 этого июньского дня Бойлан, ее напористый импресарио, посетит Молли - и Блум ничего не делает, чтобы помешать этому. Он всеми силами старается

не стоять на пути Судьбы, но в течение дня постоянно наталкивается на Бойлана.
3. Жалкое будущее. Блум сталкивается с молодым человеком - Стивеном Дедалом. Постепенно он понимает, что, возможно, это маленький знак внимания со стороны судьбы
Главная тема романа – Блум и судьба.

В романе Вл.Набоков выделяет три стиля:

1. «Исходный Джойс» - простое, логичное повествование; таковы первые главы первой и второй части романа,

2. Поток сознания или «прыжки сознания», такова последняя глава романа,

3. Пародии на различные нероманские формы: газетные заголовки (глава 4), оперетты (часть II, глава 8), мистерии и фарсы (часть II, глава 12), экзаменационные вопросы и ответы по образцу катехизиса (часть III, глава 2). А также пародии на литературные стили и авторов.

Из первой главы читатель получает сведения о герое: это Стивен Дедал, двадцатидвухлетний дублинец, студент, философ и поэт. В Дублин он вернулся недавно, в начале 1904 года, из Парижа, где провел около года. Сейчас он уже три месяца преподает в школе дублинского пригорода Долки, получая зарплату шестнадцатого числа каждого месяца; его месячное жалованье - 3 фунта 12 шиллингов - по тогдашнему курсу меньше 20 долларов. Мать попросила Стивена стать на колени при чтении отходной молитвы, но он отказался, и это событие освещает весь роман.

В первой же главе появляется бык Маллиган – недалекое, глупое существо, побавляющееся осмеянием и пародированием служб католической церкви. Он относится к Стивену – как ему кажется, с подлинной иронией – на самом же деле с грубостью неотесанного простолюдина.

Во второй главе пока мальчики играют в хоккей, Стивен разговаривает с директором школы мистером Дизи и получает жалованье. Набоков обращает внимание на то, как прекрасно выписаны Джойсом подробности.

Третья глава – Стивен на берегу Сэндимаунта. Недавно недалеко от этого места утонул человек. Джойс присовокупляет к этому сообщению ряд натуралистических подробностей (вплоть до описания запаха) в стиле «потока сознания». Появляется шхуна "Роузвин", идущая из Бриджуотера с грузом кирпичей. На ней прибывает Д. Б. Мэрфи, с которым Блум встретится в "Приюте извозчика", как в море встречаются два корабля.